

— Я мертв, — сказал Лео.

В кабинете было темно. Горела только одна лампа, да и у той огонек едва теплился, напоминая ворочающегося рыжего жука.

Мертвец сидел на жестком стуле, но не ощущал его твердости. По дому бродили сквозняки, но он не испытывал озноба.

Порой Мертвецу казалось, что из темных углов к нему кто-то тянется, что в стены кабинета вжимаются трясущиеся в припадках тени, но стоило ему повернуть голову, как все тени мгновенно успокаивались, замирая и имитируя... нормальность.

В кабинете было тихо, лишь тикали часы в жилетном кармане тонущего в потемках человека за столом.

— Я... я мертв...

— Нет, это не так, — ответил доктор Доу, соединив кончики пальцев. — Вы просто больны, Леопольд.

Этот доктор уже не раз говорил подобное. Но он был не прав. Лео привык, что люди кругом прикидываются, будто не замечают исходящего от него запаха, не видят его мертвецки бледную кожу и посмертные пятна.

Он не понимал, зачем доктор Доу играет в ту же игру, что и отец, дядя и прочие. Доктор не был на них похож, он был...

другим. Джентльмен до корней волос, закоренелый мизантроп и не особо приятная в общении личность, извечно балансирующая на грани констатации факта и оскорбления. Многие в Тремпл-Толл его боялись, и не зря, если учесть эти непроглядно-черные глаза и жуткие острые инструменты, которые могли в любой момент появиться из его саквояжа.

Когда-то отец притащил Лео сюда за шиворот под угрозой, что иначе сдаст его в лечебницу для душевнобольных. В тот момент новый пациент испугался манерного, очень строгого доктора, и это была самая яркая и сильная эмоция в жизни Лео за очень долгое время.

Понадобился не один прием, чтобы доктор Доу прекратил казаться ему монстром, который пытается пробраться не только в его голову, но и в саму душу. Вернее, в то, что от нее осталось.

Постепенно еженедельное посещение темного кабинета в доме по адресу переулок Трокар, № 7 стало для Лео единственным, что хоть как-то утешало. Доктор презирал людей в общем и считал их по большому счету не заслуживающими его внимания жужжащими мухами, но о нем заботился. Ему было не плевать. Он не упрекал Лео, не издевался над ним, и, если бы Мертвец мог испытывать теплые чувства, он бы даже осмелился назвать доктора своим другом.

Доктор Доу был непреклонен: он не оставлял попыток переубедить Лео, помочь ему, хотя бы немного улучшить его жизнь. Жаль только, что *нежизнь* улучшить невозможно. Лео много об этом думал.

— Если вы мертвы, Леопольд, то как тогда вы дышите? — спросил доктор Доу.

— Я не дышу... Это просто видимость.

— Синяки на вашем горле тоже видимость? Один из братьев снова пытался вас задушить?

Лео отвернулся. Бенни до сих пор считал, что он все выдумал и что сможет убедить в этом младшего брата, если станет душить его или резать. «Видишь кровь? Ты видишь: кровь течет? У мертвецов не течет кровь, Лео! Нет, не течет!»

— Вы утверждаете, что давно умерли...

— Моя мама умерла, — угрюмо проговорил Лео. — Она за-
разила меня перед смертью, и я... я тоже умер.

— Но при этом вы здесь. Вы едите, вы спите, вы разговари-
ваете.

— Я не могу есть: еда проходит по горлу, а потом словно про-
валивается в пустоту. Я не ощущаю ее вкуса, не ощущаю сыто-
сти. Но и голод я тоже не испытываю. Я не сплю, как прочие,
живые, люди. Для меня это скорее временное забытие, и я сам
на время будто бы проваливаюсь в пустоту. С тех пор как я умер,
я не вижу сны.

— Невелика потеря, — презрительно бросил доктор Доу. —
Значимость снов преувеличена.

— Но мистер Морнигер, господин сонник из салона Фридки-
на, говорит, что сны — это самое важное. Что лишь благодаря им
человек понимает, что он до сих пор жив.

— Чепуха и нонсенс. Мистер Морнигер — шарлатан и мошен-
ник, пользующийся тем, что область знаний, которой он опери-
рует, мало изучена. На его сеансы толкования снов ходят лишь
болваны и идиоты: нет ничего глупее, чем платить человеку, ко-
торый называет себя... сонником.

Доктор Доу был из тех, кто всегда прямо выражает свои мыс-
ли, нисколько не заботясь о том, может ли кого-то оскорбить эта
его прямота.

— Но я хочу видеть сны...

Доктор Доу пристально на него поглядел.

— Вы хотите, Леопольд?

— Да.

— Но ведь желания — это то, что присуще живым, вы не находите? Мертвецы не могут ничего желать.

Лео не слушал.

— Быть может, если бы я их видел... — пробормотал он, незряче глядя перед собой, — я бы ощутил, что заблуждаюсь... Но вы говорите, это просто бессмысленные сны...

Доктор Доу меж тем высвободил стопорный рычажок стоявшего перед ним на столе фонографа. Цилиндр медленно завращался. Из рога сперва раздалось шипение, а затем зазвучало глухое: «*Ту-ту, ту-ту, ту-ту...*»

— Это стучит ваше сердце, Леопольд, — сказал доктор. — Живое и здоровое восемнадцатилетнее сердце. Как вы это объясните?

— Это не сердце, это машина, — ответил Лео, и доктор Доу тяжело вздохнул. — Какая-то машина... Я ничего не смыслю во всех этих шестеренках и пружинах, но одно я знаю точно: я — некроконструкт. Всего лишь механизм, соединенный с мертвой плотью.

Хладнокровный доктор, который, казалось, в принципе не умел испытывать страх, вздрогнул.

— Некроконструкция — это вымысел, страшные байки для невежественных горожан.

— Дядя Джеральд говорит, — возразил Лео, подняв на доктора пустой взгляд, — что это не вымысел и что в трущобах Фли, где-то в окрестностях Сточных Канав, обитает жуткий доктор Моргг, который вылавливает трупы из канала, вскрывает их и вставляет им внутрь движители от автоматов или что-то в этом роде, и они обретают вторую жизнь. Дядя говорит, что, скорее всего, я один из них.

Лео не стал озвучивать, что его дядя, большой любитель угольного эля, — тот еще шутник.

На лице доктора Доу меж тем явственно проступило сомнение.

— Некроконструкция — это просто вымысел, — повторил он. — А некротехник доктор Моргг — всего лишь жуткая городская легенда. Но в любом случае вы не имеете к ней никакого отношения. Вы обычный живой человек, и я не устану вам это повторять. У вас мания. Бредовое состояние, которое называется «синдром Котара». Психопатология — не моя специализация, но могу вас заверить, что даже я способен отличить мертвого пациента от живого.

— Пилюли от хандры, которые вы мне прописали, доктор, действуют очень плохо. От них свербит в носу.

— Да, это один из побочных эффектов, — кивнул доктор, тактично умолчав о том, что у мертвецов не должно свербеть в носу. — Еще они вызывают невосприимчивость к снотворному и неспособность прочесть каждое пятое напечатанное слово. Полагаю, пилюли не оказывают требуемого воздействия из-за того, что вы отрицаете свою болезнь. И еще из-за того, что вас окружает каждый день. Ваше семейное дело...

— Да, отцовская гордость...

Отец Лео, Уильям Пруддс, был главой Погребального оркестра господина Пруддса, в который входили: он сам, трое его сыновей и его брат Джеральд. Их узнавали по одинаковым черным фракам, траурным цилиндрам, черным перчаткам и потертым футлярам с инструментами. То, что Мертвец был частью этой семьи, а не семьи какого-нибудь башмачника или портного, казалось, предопределило все с самого начала.

— Какую самую сильную эмоцию вы испытывали за последнюю неделю?

Лео на миг задумался.

— Эмоций нет, есть лишь тяжесть. Невероятная тяжесть... И я снова это сделал, доктор.

Доктор Доу нахмурился, и Лео продолжил:

— Люди косятся, шепчутся... Папа очень злится всякий раз, когда я это делаю.

— Тогда, быть может, вам стоит прекратить лежать в чужих могилах?

Лео отвернулся.

— Мне там самое место.

Доктор покачал головой и выключил фонограф. Сердце пациента затихло.

— Леопольд, вы молоды. Вы хороший человек — это большая редкость для Габена. У вас есть только один недостаток...

— Я мертв...

— Ваш разум заперт в чулане, в котором часы ходят назад, верх — это низ, а на полу валяются сломанные причинно-следственные связи. Синдром Котара — очень редкое заболевание, но от того менее реальным оно не становится. Когда я работал в Больнице Странных Болезней, у нас был подобный случай. Женщина полагала, что она мертва. Ну и еще что она — вестник пандемии.

— Что с ней стало?

— Ее передали в лечебницу для душевнобольных «Эрринхауз». Боюсь, ее дальнейшая судьба мне неизвестна... — Доктор Доу тряхнул головой. — Зачем вы приходите сюда, Леопольд?

— Вы воспринимаете меня всерьез, доктор, — сказал Лео, уставившись в стену. — Слушаете то, что я говорю...

— Разумеется, я вас внимательно слушаю, ведь все ваши ощущения — это симптомы. Но зачем вы приходите на самом деле? Зачем усаживаетесь на этот стул и пытаетесь уверить меня в том, что мертвы? Зачем из раза в раз рассказываете мне одно и то же? — Он на миг замолчал и прищурился. — Кажется, у меня есть ответ. Полагаю, вы приходите сюда, чтобы однажды я убедил вас в том, что вы заблуждаетесь. Вот чего вы хотите больше всего,

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

